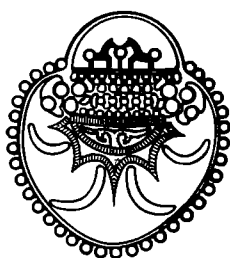

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

*Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год*

№ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1968

С. Б. ЛУНИНА

НЕКОТОРЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ МЕРВА В XIII — XIV вв.

Выдвинутый В. А. Жуковским тезис о том, что после монгольского разгрома Мерв оставался в руинах в течение двухсот лет¹, был поддержан В. В. Бартольдом, а затем и рядом других ученых. Будучи основан на данных некоторых письменных источников, он продержался в науке довольно долго. С прекращением существования Мерва пытались даже связать концентрацию городской жизни в менее значительных городах². Иную картину показывает археолого-стратиграфическое изучение городища Султан-Кала, соответствующего средневековому Мерву. Впервые тот факт, что город начал восстанавливаться с середины XIII в., был отмечен М. Е. Массоном³, писавшим, что работами Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) выявлена новая эпоха в истории развития этого города за XIII—XIV вв.⁴. Он же выделял три этапа внутри этого периода⁵.

Интересные выводы о возобновлении жизни в Мерве с середины XIII в. были сделаны на основании историко-топографического обследования и сбора подъемного материала, однако их необходимо было подкрепить археологическим материалом, изучением стратиграфии городища. Факты такого рода были получены в последние годы в результате работ одной из групп XVIII отряда ЮТАКЭ на городище Султан-Кала и его обводах — дополнительно пристроенных к городу.

Большое значение имела фиксация следов гончарного производства этого времени на городище и открытие обжигательной печи с принадлежащим ей отвалом бракованной керамики, предметов печного припаса и элементов архитектурного декора; это особенно важно, так как техника гончарного производства XIII—XIV вв. на территории Северного Хорасана изучена слабо, большая часть керамических комплексов этого времени происходит из подъемного материала.

¹ В. А. Жуковский. Развалины Старого Мерва. «Древности Закаспийской области». СПб, 1894, стр. 69.

² Б. А. Литвинский, В. Г. Мошкова. Изучение Така-Языра. Дуруна. Тр. ЮТАКЭ, I, Ашхабад, 1949, стр. 318.

³ М. Е. Массон. Новое в истории Мерва по данным работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции 1946—1950 гг. Тезисы докладов на сессии отделения истории и философии и пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг. М., 1951, стр. 86.

⁴ М. Е. Массон. К изучению прошлого Старого Мерва. Тр. ЮТАКЭ, XII, Ашхабад, 1963, стр. 16.

⁵ М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. Тр. ЮТАКЭ, V, Ашхабад, 1955, стр. 219.

Вскрытая на городище Султан-Кала печь находится в 210 м к северу от дороги, ведущей к воротам Фирюза (западным воротам города), в 250 м восточнее городской стены (рис. 1). Печь диаметром 2,7 м имеет в плане почти правильный круг. Устье топки находится с северной стороны. Эта гончарная печь относится к типу печей с открытым пламенем, когда топка не отделяется каким-либо горизонтальным перекрытием от обжигающей камеры. Верхняя часть стен печи и перекрытие были разрушены,

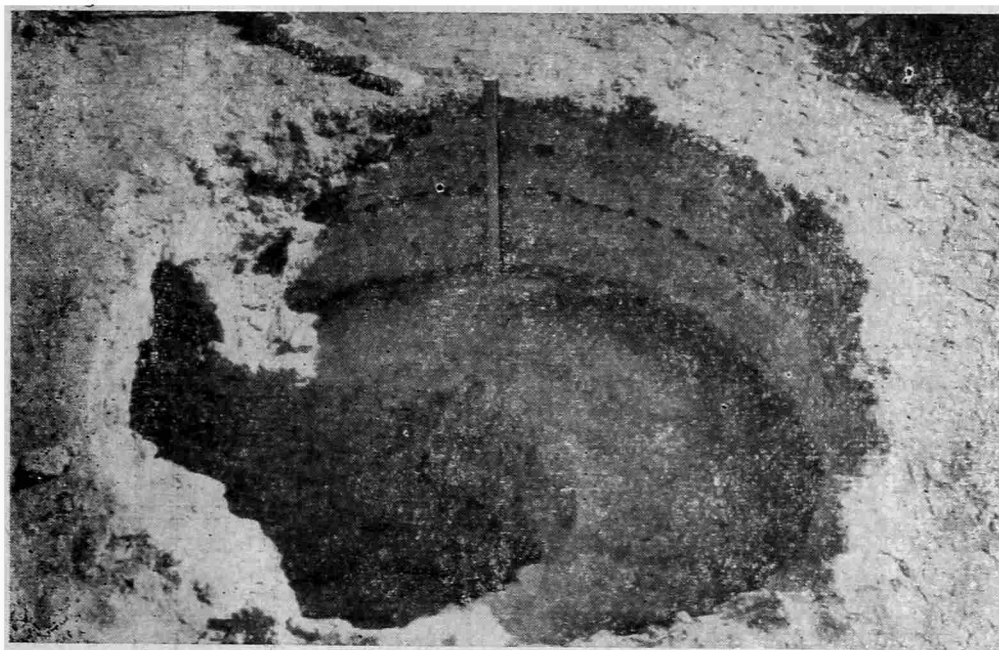

Рис. 1. Общий вид гончарной печи XIII — первой половины XIV в.

в остальной части печь сохранилась довольно хорошо. Кладка стен печи начиналась непосредственно от дневной поверхности, стены сложены из сырцового кирпича размером $29-30 \times 29-30 \times 5-6$ см. Кирпич прокалился, как правило, на толщину в 5—10 см.

Сверху, в кладке стен печи, сохранилось три ряда кирпичей, под которыми находился ряд штырей, видимо, наглухо вмазанных в стену печи. Некоторые штыри сохранились в печи нетронутыми (в том числе три штыря, расположенные подряд). Расстояние между центрами штырей 10 см, диаметр штырей 4—5 см. Ниже стенка имеет выступ на 10 см, видимо, сделанный специально для более прочного закрепления штырей. Ниже трех последующих рядов кирпичной кладки имеется ряд круглых отверстий для штырей. Эти специальные гнезда сделаны из битого кирпича с глиняной обмазкой. Отверстия давали возможность маневрировать штырями в зависимости от обжигаемых изделий. Расстояние между центрами отверстий 12—14 см, диаметр отверстий 5—7 см. Судя по затекам голубой глазури на стенках печи, где-то выше первого сохранившегося ряда штырей располагался еще один, таким образом всего в печи, по-видимому, имелось три ряда штырей.

Через пять рядов кирпичной кладки ниже ряда отверстий для штырей была сделана полка, на которой также расставлялись изделия для обжига (общая высота сохранившейся части стен от поверхности до полки в среднем 85—95 см); ширина полки к западу и востоку от топки 70 см, к югу — 1 м.

Топка печи имеет чуть неправильную форму, округло расширенную от устья, диаметр ее 1,3—1,4 м, глубина топки 1,4 м. Через три ряда кир-

пичей ниже уровня полки стены печи оплакованы сильными гладкими потеками, свидетельствующими о весьма продолжительном периоде функционирования печи. Оплакованность кончается на высоте 15—20 см от дна топки. На последнем сохранился слой золы толщиной в 5 см, оставшийся, видимо, от сгоревшего саксаула.

Высота устья топки, перекрытого аркой, — 2,15 м, ширина — 70 см. Арочное перекрытие осуществлялось путем постепенного расширения швов между концами кирпичей. Длина устья топки до встретившейся здесь закладки 65 см. Топочное устье чуть сужается наружу. Закладка топки произведена на высоту в 1,15 м и сильно обожжена изнутри, возможно, она была сделана для того, чтобы сократить высоту топочного устья. Объем печи говорит об ее значительной вместимости для обжигаемой продукции.

Материал, найденный в печи, перекликается с массовым комплексом керамики, предметов печного припаса, архитектурных деталей, поливных кирпичей, найденных при закладке шурфа на месте отвала бракованной продукции, расположенного восточнее печи, рядом с ней.

Точно такая же печь была раскопана ранее в квартале керамистов, расположенном западнее стены городища Султан-Кала, она датируется второй половиной XII — началом XIII в. Круглая в плане печь имеет почти такой же диаметр — 2,75 м и такое же конструктивное устройство — несколько неправильной формы углубленную топку, широкую полку и ряды отверстий для штырей. Совпадают и размеры сырцовых кирпичей, из которых были сложены обе печи⁶. О том, что подобная конструкция печей появляется в Мерве несколько раньше, свидетельствует вскрытая в том же квартале керамистов печь X — начала XI в., круглая в плане с топкой грушевидной формы и широкой полкой⁷.

Из раскопанной на Султан-Кала печи и принадлежащего ей отвала был извлечен набор предметов печного припаса, предназначенных для наиболее рационального размещения керамической продукции в печи (рис. 2). Припас составляют круглые в сечении штыри, трехногие подставки (сипая), плоские подставки, коромыслица, своеобразные уголки и толстые глиняные лепешки неправильной формы. Значительное количество фрагментов штырей в довольно большом количестве были встречены и в самой печи, и в отвале. Они имеют пористый черепок в изломе обычно кремового или красноватого цвета. Наибольший диаметр штырей 4—5 см, в конце они несколько сужаются и затуплены. На поверхности многих штырей сохранились капельки и потеки голубой поливы. Размеры и форма трехножек — сипая зависели от диаметра изготавливавшихся здесь чаш и блюд. Сипая мелких и средних размеров в ряде случаев найдены прилипшими к поливе на донцах сосудов, на дне самой печи найдена целая чаша, в центре которой вплавилась сипая.

Трехножки грубой выделки встречаются редко, как правило, они сделаны тщательно. Преобладают сипая обычной формы — плоские в верхней части, но довольно много сипая с витыми ножками, сделанными из перекрученного жгута сырой глины. Выделяется группа без загнутых вниз и заостренных ножек. Такие сипая несколько прогнуты в нижней части, а наверху оформлены в виде остросереберных выступов, иногда заканчивающихся совсем тонким краем. Эти сипая отличаются особенно тонкой выделкой. Думается, что эту группу следует рассматривать как результат творческих поисков мастера, который так и не отдал им предпочтения в силу их незначительной устойчивости. Особая тщательность

⁶ С. Б. Лунина. Техническое устройство гончарных печей средневекового Мерва. Тр. ЮТАКЭ, VIII, Ашхабад, 1958, стр. 361, 362.

⁷ С. Б. Лунина. Новая гончарная печь средневекового Мерва. «Археология Средней Азии», VI, Ташкент, 1963, стр. 126.

выделки многих сипая и стремление украсить их свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что в данной мастерской эти предметы печного припаса изготовлялись не только для внутреннего потребления, но и на сбыт. Об этом же говорит и общее количество найденных сипая — на небольшом участке раскопа при незначительной глубине отвала их было найдено свыше 1000.

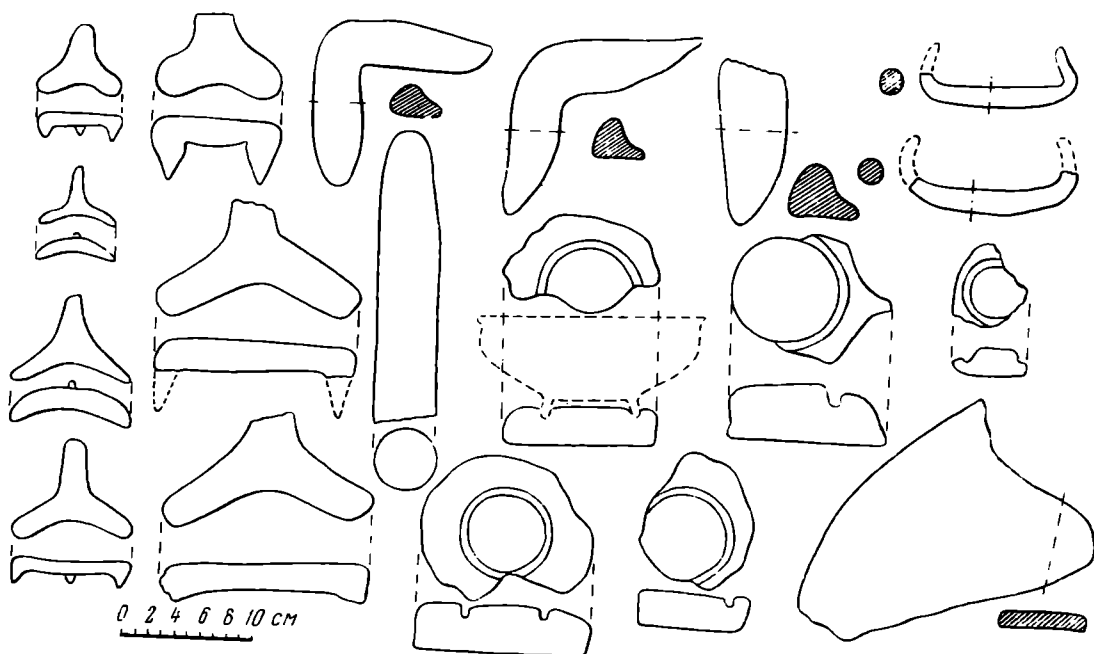

Рис. 2. Предметы печного припаса

Следующее место по количеству найденных экземпляров занимают округлые, толстые лепешки, грубо слепленные из глины. Все они в верхней плоскости имеют следы отпечатавшихся кольцевых поддонов чаш. Судя по всему, эти грубо обработанные комки глины служили для установки в печи стопок посуды с целью более устойчивого их равновесия. Для этой цели первую, нижнюю, чашу вминали в округлый комок еще сырой глины. Видимо, употреблялись эти глиняные подставки только один раз, ибо обожжены они очень слабо. Диаметр отпечатавшихся в них донец от 5 до 9 см, что соответствует диаметру кольцевых поддонов сосудов, найденных в раскопе. Эта своеобразная разновидность предметов печного припаса также, как и описанные ниже уголки, не встречалась в более ранних гончарных мастерских Мерва и является своего рода рационализацией производства, примененной впервые в XIII—XIV вв. в связи с появлением на сосудах кольцевых поддонов.

Для закрепления стопок посуды сбоку предназначались глиняные уголки в виде округлых в сечении полос глины, изогнутых почти под прямым углом. При их изготовлении полоску глины клали на ровную поверхность, загибали под углом и сминали пальцами внутреннюю сторону.

Плоские глиняные подставки для расстановки посуды были круглой и прямоугольной формы и, как правило, имеют на поверхности капли голубой глазури. Встречаются также небольших размеров коромыслица и крючки, также служившие для закрепления стопок посуды.

Если сипая и штыри известны в гончарном производстве Мерва, начиная с X в., то в целом набор предметов печного припаса более всего имеет аналогии в остатках припаса из печи второй половины XII — начала XIII в., открытой в упомянутом выше квартале керамистов, а также среди предметов в отвале бракованной продукции, связанном с другой печью

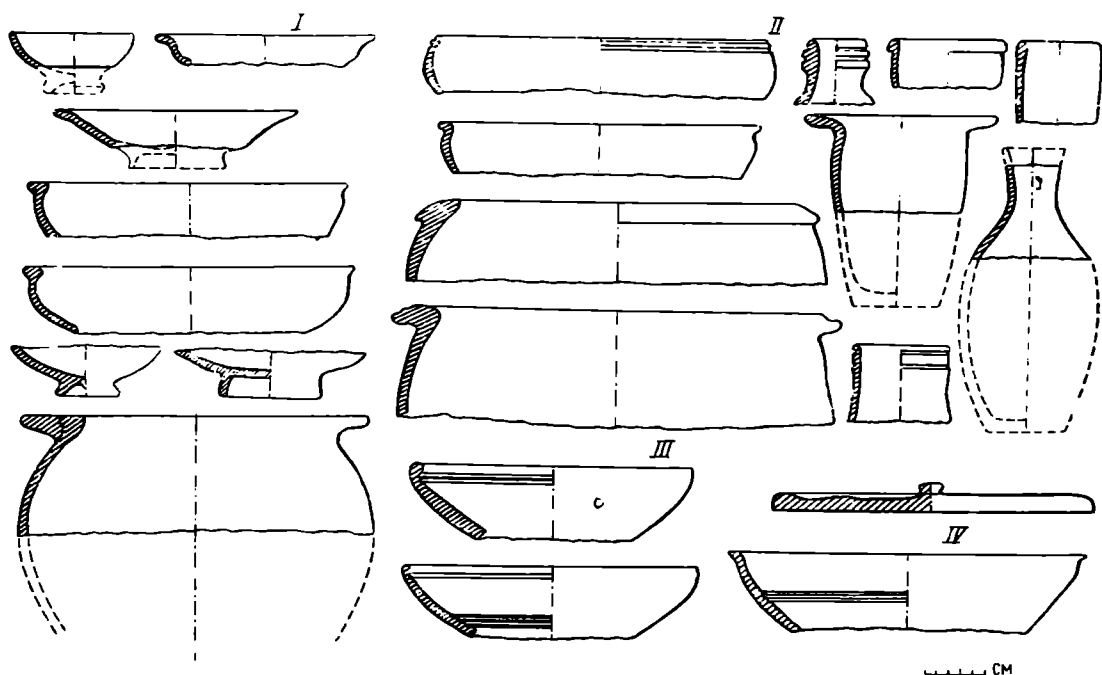

Рис. 3. Керамика XIII — первой половины XIV в.

I — глазурованная керамика, II — неполиваная керамика, III — штампы для орнаментации керамики (калыбы). IV — штамп (калыб)

этого же времени. Предметы печного припаса представлены в последних штырями, треножками-сипая, языковидными подставками и загнутыми с обеих сторон крючками. Вместе с тем с нашей печью связано появление новых видов печного припаса — глиняных лепешек, различных плоских подставок, уголков, а также следы поиска новых форм сипая и, в ряде случаев, новое их оформление.

Поливаная керамика из раскопок представлена в основном фрагментами чаш и своеобразной формы котлов, реже фрагментами глазурованных чирагов — светильников (рис. 3).

Все донца чаш без исключения имеют кольцевой поддон, иногда очень высокий. Диаметр донцев чаш от 4 до 9,5 см, высота поддона 1—1,5 см (реже до 2 см). Поддон либо вертикальный, либо чуть расширяется наружу. Наиболее распространены чаши диаметром от 16 до 24 см (последний размер встречается особенно часто) с чуть загибающимся вовнутрь и сильнее отогнутым наружу венчиком, а также неглубокие чаши, у которых стенка переходит в сильно отогнутый наружу бортик. У первых довольно глубоких чаш стенка округло изгибается в средней части. Черепок чаш в изломе желтого, реже красноватого цвета, часто пористый, обжиг ровный. Абсолютно преобладает в этой группе керамических изделий красивый чистый ярко-голубой цвет поливы без орнамента. Найдены лишь несколько фрагментов с росписью марганцево-фиолетового и черного цветов по голубому и зеленовато-голубому фону, один с растекшейся росписью зеленой и коричневой красками по белому фону и один с гладкой белой поливой. Орнаментация в этих случаях была очень нечеткой, расплывчатой, однако на двух черепках явно имела место радиальная композиция орнамента. Чаши покрыты поливой внутри и снаружи.

Чаши из слоев XIII—XIV вв. на городище Анау имеют красный и кремовый цвет глины. Характерны для них и кольцевые поддоны. Наряду с черным, встречается и фиолетовый орнамент в виде радиальной композиции⁸. Кольцевой поддон чаще всего имеет керамика XIII—XIV вв. с

⁸ В. А. Левина. Позднее городище Анау. Тр. ЮТАКЭ, II, Ашхабад, 1951, стр. 359—365.

городища Шехр-Ислам, покрытая голубой поливой различных оттенков с подглазурной росписью черной и марганцевой красками⁹. Керамика с голубой глазурью и лиловато-черной подглазурной росписью хорошо известна в комплексах Нисы XIV в.¹⁰. Чаши здесь имеют обычно высокий кольцевой поддон и, судя по некоторым опубликованным экземплярам, диаметр венчика их приблизительно такой же, как у наших чаш¹¹.

Голубой цвет поливы начинает применяться в Мерве в X — начале XI в., однако используется очень редко и далеко не всеми мастерами. В комплексах XI — первой половины XII в. такого цвета полива не встречается. Зато красивого оттенка ярко-голубая полива очень характерна для керамики Мерва второй половины XII — начала XIII в.¹². Однако форма чаш, профилировка венчиков здесь иные, отсутствуют полностью и кольцевые поддоны.

Глазурованные котлы, найденные в раскопах на городище Султан-Кала, очень своеобразны. Диаметр их венчика 18—20 см, он чуть отогнут наружу, округлые стенки отходят непосредственно от венчика. Черепок в изломе желтого, реже розового, цвета, пористый, глина хорошо отмучена. Непосредственно от венчика отходят в стороны четыре сплошные ручки — выступы. Явно имитируя ручки котлов хозяйственного назначения, предназначенные для закрепления котла над очагом, в данном случае ручки являются оригинальным декоративным оформлением сосуда. Ярко-голубая глазурь покрывает такой сосуд или с обеих сторон, или внутри сплошь, снаружи лишь спускаясь за край венчика.

Неполивная посуда найдена в меньшем количестве, но более разнообразна по форме. Среди сосудов — чаши, кувшины, фляги-мустахара, горшкообразные сосуды, сосуды крупных размеров, крышки, тувак (принадлежность детской колыбели).

Некоторые чаши своей формой точно повторяют глазурованные и их надо рассматривать как прошедшие первый обжиг и подготовленные под поливу. Но есть и своеобразные формы, характерные именно для безглазурной керамики, таковы, например, крупные чаши (диаметр венчика 24 см) с сильно изогнутыми округлыми стенками, прямым венчиком и несколькими бороздками под ним с внешней стороны; черепок в изломе красноватого цвета, такого же цвета ангоб.

Кувшины представлены разнообразными горловинами и плоскими, чуть выступающими по отношению к стенкам донцами (диаметр последних 8—10 см). Крупные сосуды имеют диаметр венчика от 24 до 30 см. Венчик их либо чуть утолщен по отношению к стенке сосуда, либо отогнут сильно наружу, образуя бортик, причем последний в одном случае оформлен защипами снизу вверх, образующими фестончатый край. На этом же сосуде имеются процарапанные полосы и стилизовано-растительный орнамент, явно перекликающиеся с процарапанным орнаментом на керамике Мерва второй половины XII — начала XIII в., что в данном случае позволяет говорить о сохранении традиции в украшении керамики.

В отвале бракованной продукции был обнаружен также ряд фрагментов керамики со штампованной орнаментацией и штампов-калыбов для нанесения орнамента на сосуды. Штампы предназначались для

⁹ Б. А. Литвинский. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. Тр. ЮТАКЭ, II, стр. 269.

¹⁰ М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Тр. ЮТАКЭ, I, Ашхабад, 1949, стр. 87.

¹¹ М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. Тр. ЮТАКЭ, II, стр. 58, рис. 50.

¹² С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X — начала XII вв. Тр. ЮТАКЭ, XI, Ашхабад, 1962, стр. 394.

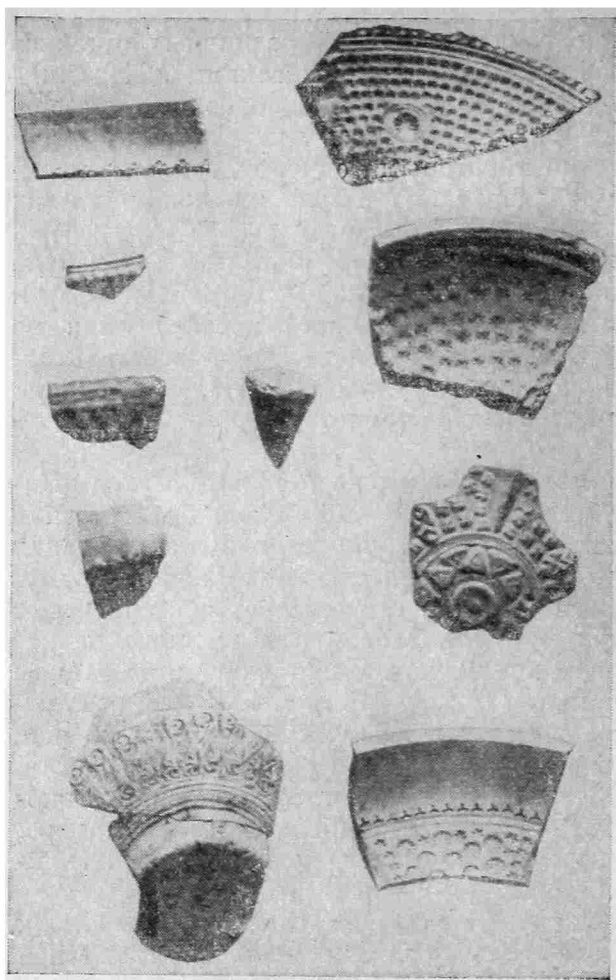

Рис. 4. Фрагменты штампов и штампованной керамики

орнаментации отдельно верхней и нижней половин сосуда, сосуды тонкостенны, отличаются большой тщательностью выделки. Диаметр в верхней части от 21 до 26 см, толщина в изломе от 0,5 до 1,0 см, черепок кремового или красноватого цвета, несколько пористый. Внутренняя часть штампов покрыта углубленным орнаментом — в одном случае это сплошные ряды шестилепестковых цветочков, на другом фрагменте сплошь идут очень густо посаженные ряды, не оставляя места для гладкого фона, восьмилепестковые розетки, причем в одном месте эти ряды прерывает круглый картуш с шестнадцатилепестковой розеткой в центре (рис. 4). Орнамент четкий и довольно глубокий, сделан очень изящно. Встречен (очевидно, нанесенный на калыб отдельными штампиками) орнамент из больших круглых картушей, расположенных на фоне, сплошь заполненном чередованием шестилепестковых розеток и кругов с сеточками внутри. Найдена также заготовка

конусовидного штампика для нанесения отдельных элементов орнамента (высота его 4,5 см, диаметр — 3,4 см).

Фрагменты штампованной керамики имеют черепок в изломе кремового и темно-серого цвета. Есть несколько фрагментов со сплошными рядами выпуклых шестилепестковых цветочков, один фрагмент со сложным плетеным орнаментом, с крупными круглыми, заполненными орнаментом-картушами на фоне из четырехлепестковых цветов и овалов также с вписанным в них орнаментом.

Расцвет производства штампованной керамики в Мерве приходится на первую половину XII в., однако изготовлять ее продолжают до начала XIII в., традиции ее производства сохраняются и значительно позже. Штампы для орнаментации сосудов к этому времени становятся более тонкостенными, но техника изготовления и орнаментация керамики остается прежней.

Возможно, что сохранение традиции изготовления штампованной керамики в XIII—XIV вв. является местной особенностью Мерва, бывшего для областей северного Хорасана в XI—XII вв. крупнейшим центром по ее изготовлению и экспортировавшего ее в другие области. Во всяком случае, для других городов и поселений Южной Туркмении этого времени остатков штампованной керамики или следов ее производства пока не отмечено.

Кувшины с узором, отштампованным матрицами на верхней половине, были характерны для гончарного производства Хорезма XIII—XIV вв.

В Ярбекире, Замахшаре, на Даудан-Кале были найдены штампы для их орнаментации¹³. Однако сходство с мервскими сосудами ограничивается только техникой производства, во всем остальном на первый план выступают отличия — и в форме кувшинов, и в традиции украшать орнаментом только плечики сосуда, и в цвете поверхности, и в применении пятен бирюзовой поливы и, наконец, в мотивах орнаментации.

В описанной выше керамике явственно продолжают традиции предшествующего времени (особенно второй половины XII — начала XIII в.). Можно полагать, что после монгольского нашествия остались в живых отдельные мастера-ремесленники, передавшие сложившиеся традиции изготовления и орнаментации сосудов следующему поколению керамистов. В то же время выпускаемая продукция отвечала новым требованиям времени, что сказалось в выпуске новых видов гончарных изделий, среди которых можно назвать фляги, изготавливавшиеся, очевидно, для кочевой части населения.

Не менее интересно, что и в самой печи, и в отвале из нее был найден ряд фрагментов деталей архитектурного декора, в том числе переобожженных, явно изготовлявшихся в данной мастерской и в этой печи обжигавшихся. Наиболее многочисленными среди них были фрагменты кирпичей со скругленной одной стороной, предназначавшиеся скорее всего для оформления полуколонн в зданиях. Все кирпичи по скругленной стороне покрыты ярко-голубой поливой. Такой же поливой были покрыты тоненькие полоски шириной 1,5—1,8 см, а также фрагмент кирпича со скошенной гранью.

Найдены также несколько фрагментов кирпичей с косыми гранями и поперечными глазурованными полосками голубого и марганцево-фиолетового цвета. Изготавливались эти детали из отесанных кирпичей, с глубоко прочерченными полосками. В одном случае на кирпиче (толщина 3,5 см) имелись параллельные вертикальные полоски, голубая и фиолетовая, причем последней оформлен закругленный угол.

На одном большом фрагменте кирпича толщиной в 5 см на голубом фоне пересекаются белая и марганцево-фиолетовая полосы от какого-то узора. Желтоватый цвет глины кирпича, его толщина, техника изготовления, цветовое сочетание глазурей напоминают кирпичные плиты из буддийской кумирни Мерва второй половины XIII в.¹⁴ Во всяком случае, обжигавшиеся в описанной нами печи изразцы явно предназначались для облицовки панелей и, возможно, составляли узор, аналогичный реконструируемому Г. А. Пугаченковой. Подобные вышеописанным детали архитектурного декора и аналогичные цветовые сочетания известны и по другим памятникам среднеазиатской архитектуры XIV столетия. Например, в бухарском мавзолее Буян-кули-хана (середина XIV в.) широко применены полосы с чередованием поперечных голубой и марганцево-фиолетовой полосок. В таком же сочетании цветов употреблены здесь и чередующиеся отдельные маленькие поливные кирпичики. В этом же мавзолее, в трехчетвертных колонках применены голубые поливные кирпичики со скруглением, однако они тоньше наших и скруглены меньше.

Особо следует отметить обнаруженный в отвале маленький фрагмент плитки штампованной терракоты, покрытый голубой поливой с остатками надписи почерком насх (рис. 5). Плитка с надписью столь мелкими буквами могла принадлежать, скорее всего, надмогильнику.

Концом XIII — первой половиной XIV в. датируется найденная одним из отрядов ЮТАКЭ на кладбище Челык на Нисе изразцовая рельефная плитка сине-зеленой поливы с арабской надписью почерка насх; дату

¹³ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Тр. ХАЭЭ, IV, М., 1959, стр. 306, 308.

¹⁴ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, VI, М., 1958, стр. 355.

1279/1280 гг. имеет трехцветная плитка штампованной терракоты с надписями от намогильника, найденная на Султан-Кале.

Насколько нам известно, выполненные в рельефе терракотовые поливные плитки, а также детали оформления зданий с указанным цветовым сочетанием известны для Хорасана, лишь начиная с последней четверти XIII в. Рельефные изразцы являются специфической особенностью среднеазиатского зодчества¹⁵.

Изготовление в Мерве элементов архитектурного декора и приведенные для них аналогии показывают, что развитие архитектуры здесь, так

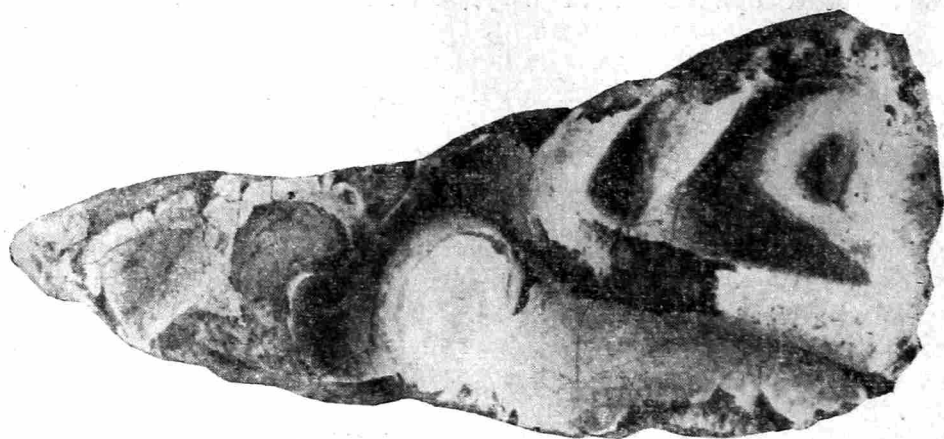

Рис. 5. Фрагмент намогильной штампованной терракоты (увеличен)

же как и в других городах Хорасана и в Мавераннахре, характеризуется в XIII—XIV вв. рядом изменений и появлением новых качеств. Кроме того, в Мерве, как и в других городах северного Хорасана, существовали в это время капитальные, богато оформленные архитектурные сооружения, для которых и обжигались упомянутые детали декоративного убранства. Примером этого, в определенном отношении, является буддийская кумирня второй половины XIII в.

Анализ комплекса керамики и деталей декоративного оформления, сравнение их с таковыми же из других средневековых городов Южной Туркмении, наличие общих черт с комплексами второй половины XII — начала XIII в. позволяют датировать печь и относящийся к ней отвал керамikki концом XIII — первой половиной XIV в.

Интересную и в известной мере характеризующую историю города картину дало обследование зольных отвалов на городище. Упомянем некоторые из них, связанные с интересующим нас периодом.

Большой холм, поверхность которого почти сплошь покрыта золой, находится в 250 м к северо-востоку от мавзолея Султана-Санджара, т. е. почти в самом центре города. Здесь на поверхности встречены ошлакованные кирпичи, фрагменты сипая, а также довольно большое количество фрагментов керамики XIII—XIV вв. На этом холме был заложен небольшой раскоп, вскрывший остатки помещения X—XI вв., которые перекрывал зольный слой. Судя по всему, на этом участке в X—XI вв. располагались дома богатых горожан с принадлежавшими им большими участками дворов, хорошо прослеживаемыми сейчас по микрорельефу в виде незастроенных площадей — низин. Кроме того, рядом (западнее) проходила главная улица города в направлении север — юг. Материал XIII—XIV вв.

¹⁵ Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы. Тр. ЮТАКЭ. I, Ашхабад, 1949, стр. 253.

явно связан, с одной стороны, с заселением данного участка, когда зола, накапливавшаяся в это время в домах, выбрасывалась здесь же, неподалеку от них. С другой стороны, возможно, что где-то рядом располагались и гончарные мастерские, с деятельностью которых связаны оплакованные кирпичи, сипая и пр. Нельзя не вспомнить, что еще ранее, при сборе подъемного материала на городище в первые годы работ ЮТАКЭ, а также позднее при проведении историко-топографической съемки отмечалось, что керамика XIII—XIV вв., встречаемая вдоль главных улиц города, свидетельствует об их заселении в эти века. Осмотр большого зольного бугра и небольшой зачистка на нем подтвердили это предположение. Запустение значительной площади города в это время позволяло выбрасывать мусор, золу из домов, отходы производства тут же рядом, на остатки более ранних строений, почти в самом центре города.

Огромные отвалы золы, занимающие значительную площадь, находятся восточнее мавзолея Санджара, приблизительно на середине расстояния между ним и восточной стеной города. На этих холмах встречаются железные и бронзовые шлаки, оплакованные кирпичи, гончарные шлаки, фрагменты стеклянных сосудов, переобожженная керамика. Без раскопок трудно судить о датировке слоев, однако абсолютное преобладание фрагментов керамики XIII—XIV вв. говорит о том, что, быть может, остатки находившихся здесь ремесленных производств следует отнести именно к этому времени, во всяком случае в XIII—XIV вв. была заселена и эта часть города.

Керамика XIII—XIV вв. в изобилии встречается и на ряде других холмов отвалов, а также на буграх, связанных с заселенностью в это время различных участков города. Археологическими исследованиями установлено, что впервые отвалы золы и отходы производства начинают скапливаться непосредственно на территории самого города лишь со второй половины XII в., когда в пору вхождения в состав государства Хорезмшахов началось известное запустение города. При восстановлении города после монгольского завоевания отходы выбрасывались на эти же холмы, а также возникали новые.

Особо следует отметить холмы, которые несомненно содержат отходы гончарного производства XIII—XIV вв. Таков отвал, находящийся недалеко от описанного раскопа в 50 м к востоку от западной стены городища. Здесь на поверхности имеются зола и явные следы гончарного производства — отдельные штампики, фрагменты калыббов, сипая, керамика с голубой и синей поливой, кашинная и люстровая керамика.

В 125 м к западу от раскопа прослеживается участок красной обожженной земли, явно соответствующий находившейся здесь печи. Здесь же разбросаны фрагменты керамики с голубой поливой, в том числе донца чаш с высоким кольцевым поддоном, фрагменты штырей и сипая. Такого же характера отвал находится в юго-западной четверти городища, в 400—450 м от его южной стены, он несомненно может быть связан с гончарным производством XIII—XIV вв. Наконец, остатки гончарной печи этого же времени находятся рядом с описанной печью, западнее нее. Все это вместе взятое позволяет говорить о довольно значительном развитии гончарного производства на территории города в интересующий нас период времени.

По фрагментам керамики первой половины XIV в. можно датировать верхний культурный слой шурфа, заложенного в юго-западном углу городища, где прослеживались на этом уровне остатки рухнувшей стены из сырцовых кирпичей. Так же датировал М. Е. Массон остатки какого-то чтимого мазара, находящиеся в этой же части городища. Небольшие шурфы, заложенные геологоразведочной экспедицией в 100 м к западу от мавзолея Санджара, дали в верхних слоях фрагменты керамики (чаще всего донца с высоким кольцеобразным поддоном) с поливой синего цвета, датирующиеся XIII—XIV вв.

К этому же времени относится верхний культурный слой холма в южной части южного обвода, где была найдена характерная керамика и где тогда, видимо, существовало какое-то архитектурное сооружение¹⁶.

Очевидно, в конце XIII—XIV вв., когда жизнь в Мерве в какой-то мере была восстановлена, была произведена некоторая подправка пришедшей в упадок мечети — намазгох, стоявшей за западной стеной Султан-Калы. XIV в. датируются кирпичеобжигательные печи, раскопанные на территории северного обвода, что, в свою очередь, свидетельствует о довольно интенсивном строительстве того времени. М. Е. Массон особо отмечал факт возобновления во второй половине XIII в. деятельности монетного двора Мерва, как доказательство достаточного подъема его экономического уровня. Здесь выпускались золотые динары, серебряные и медные монеты.

Керамика XIII—XIV вв. обильно представлена в подъемном материале с городища, особенно хорошо она отмечает заселенность главных улиц города в эту пору. Необходимо отметить также некоторые другие находки на городище, относящиеся к этому периоду. 1279/1280 г. (678 г. х) датируется найденная в Шахрияр-арке трехцветная полпвная плитка штампованной терракоты от торцевой части парадного ступенчатого надмогильника с остатками надписей цветущим куфью и почерком «дивани». К XIV в. относится фрагмент боковой части каменной надмогильной плиты.

Чрезвычайно важны для истории Мерва свидетельства историка Джувейни. Общеизвестны его сведения о том, что монголы в первый свой приход уничтожили все население Мерва, за исключением 400 ремесленников и немногих детей, что «стены были разрушены», укрепления сравнены с землей и сожжена ханифитская соборная мечеть¹⁷. Однако Джувейни говорит и о том, что некоторым жителям удалось укрыться в потайных местах и что их оказалось около 5000. Оставленный монголами мервский правитель Зия-ад-дин Али вскоре приказал восстановить мервские стены и вал. О сменившем Зия-ад-дина сподвижнике султана Джелал-ад-дина Куш-тегин-пехлеване также говорится, что он принялся за восстановление города и земледельческого хозяйства, «задался целью восстановить городские стены, постройки»¹⁸. Не менее важны данные о том, что «к этому времени из разных мест люди собирались в Мерв, так как в нем было лучше». Вскоре вновь прибыло монгольское войско, город был взят и «большинство домов, замков, мечетей и мест поклонения было разрушено», а население перебито. Но и после этого жители, находившиеся в деревнях и ушедшие в пустыню, стали снова собираться в Мерв. Отдельные монгольские военачальники продолжали, однако, свои набеги на Мерв и в конечном итоге, по словам Джувейни, город был окончательно превращен в пустыню. Как показали археологические материалы, история города на этом не кончилась. Важнее для нас данные о ряде сменявших друг друга на протяжении первой половины XIII столетия периодов упадка и восстановления города, его построек, городских укреплений. Возможно, при последующих археологических работах удастся проследить и эти периоды.

Явно преувеличено свидетельство о Мерве Хафиз-Абру, восславлявшего деятельность тимуридов и особенно Шахруха. Хафиз-Абру писал: «Вследствие напастей и превратностей судьбы Мерв стерт и уничтожен уже очень давно. Город, который был украшен столпами мира, при сказанном бедствии стал обителью гнел и хищных зверей, и от деревьев его не осталось в целости ни одной ветки, а от дворцов его ни одного портика. Столь славный пункт превратился в ровное и гладкое место. Гневный создатель до такой степени постиг народ тот, что около 200 лет ни для

¹⁶ С. Б. Лунин. Раскоп и стратиграфический шурф в южном обводе Султан-Калы в Старом Мерве. ИАН ТуркмССР. 1953, 2, стр. 79.

¹⁷ Извлечения из «Тарих-и-Джехангуша» Ала-ад-дина Ата-Мелика Джувейни. МИТТ, 1, М.—Л., 1939, стр. 491.

¹⁸ Там же, стр. 492.

какого путника не было тени, в которой он отдохнул бы хоть минуту, а у жителя не было соседа, которому он мог бы рассказать о происходящих ударах судьбы»¹⁹. Все это сказано, дабы подчеркнуть еще раз значение деятельности Шахруха по строительству нового города. Особенно характерно в этом смысле последовавшее за приведенной цитатой восклицание: «Да и какой (там) житель до наступления 812 г.?» (812 г. хиджры — 1409/1410 г.) Вторит Хафиз-и-Абру и использовавший его сочинения Абд-ар-раззак Самарканди: «Шахрух... приказал заново отстроить г. Мерв, пришедший в упадок и разрушение, и привести в культурное состояние эту область..., пришедшую в упадок под ударами судьбы и частыми бедствиями и от построек которой (в настоящее время), кроме груды обломков, ничего не осталось»²⁰. Слова Казвини «сейчас этот город разрушен»²¹ не следует понимать в том смысле, что город в это время не существовал. Город не был полностью восстановлен, часть его находилась в развалинах и это, видимо, дало повод Казвини, помня о последствиях завоевания, написать приведенные слова.

М. Е. Массон считает, что жизнь в городе начала возрождаться уже с середины XIII в., восстановительные работы начались также и в его пригороде, сначала на территории Разик-абада, находившегося юго-восточнее Султан-Калы, затем на площади между городищами Гяур-Кала и Султан-Кала, а также в руба'а Маджан и руба'а Хурмузфарра²².

В 1243 г. правление в Хорасане перешло к эмиру Аргуну, причем известно, что при нем было проведено некоторое строительство в Мерве и в его окрестностях, в частности с его именем связывается, как это указано выше, строительство в Мерве буддийской кумирни. В составе государства Хулагуидов Хорасан просуществовал с 1256 по 1335 гг.

В 1295 г. к власти приходит Газан-хан, в правление которого жизнь в Хорасане несколько упорядочивается, что особенно заметно после полосу войн и набегов 80—90-х годов. Была проведена серия реформ, начинается известное оживление городской жизни, торговли, ремесла, строительной деятельности. Начинается подъем экономики в конце XIII—XIV вв. и в областях Южного Туркменистана, однако Г. А. Пугаченкова связывает его не с деятельностью Газан-хана, а с нарастанием антимонгольских тенденций в местной среде и фактическим освобождением отдельных областей²³. Сам Газан-хан также проявлял определенное внимание к данной территории. Так, видимо, по его распоряжению в конце XIII в. был капитально отремонтирован мавзолей шейха Абу-Саида Мехнейского. Именно с этим периодом подъема, думается нам, следует связать вскрытую на городище Султан-Кала гончарную печь и, если датировать этим же временем зафиксированные на городище отвалы с совершенно аналогичной керамикой, то можно говорить о начавшемся новом подъеме гончарного производства Мерва.

Для середины XIII в. мы имеем свидетельство Плано Карпини о том, что монголы забирают всех лучших ремесленников и приставляют к своим делам, другие же ремесленники платят им дань от своего ремесла. Известно, что при Газан-хане ввиду полного упадка производительности ремесленников власти начали скупать у последних нужные им изделия по определенной цене, хотя и более низкой, чем на рынке. Очевидно, это создавало у ремесленников большую заинтересованность в выпуске продукции и улучшении ее качества, чем в прежнее время, когда монголь-

¹⁹ Извлечения из географического сочинения Хафиз-и-Абру, там же, стр. 525.

²⁰ Извлечения из «Матла ас-са'дейн» Абд-Ар-Раззак Самарканди, там же, стр. 530.

²¹ Извлечения из «Нузхат-ал-кулуб» Хамдаллаха Казвини, там же, стр. 508.

²² М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ..., стр. 219.

²³ Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса. Тр. ЮТАКЭ, II, стр. 241.

ские власти заставляли, по словам Рашид-эд-Дина, работать ремесленников в порядке натуральной повинности, выдавая им содержание в виде небольшого количества продовольствия. Думается, что это может также служить косвенным доказательством того, что нашу мастерскую следует датировать временем правления Газан-хана или периодом непосредственно за ним последовавшим. Ассортимент продукции, ее качество, попытки нововведений в процессе производства, новые формы предметов печного припаса — все это говорит об определенной заинтересованности мастеров в повышенном качестве продукции.

Как следует из сказанного выше, накопившиеся за последние годы археологические данные представляют более конкретно историю Мерва в XIII—XIV вв.

1. Было доказано обживание города в это время не только вдоль главных улиц, но и в центральной и восточной части, в юго-западной четверти, в южном и северном обводах.

2. Впервые была вскрыта обжигательная гончарная печь второй половины XIII — начала XIV в., зафиксированы в разных местах отвалы бракованной керамики этого времени, получены данные о развитии гончарного и кирпичного производства, а если датировать по подъемному материалу некоторые отвалы, то и об обработке железа и меди.

3. Период второй половины XIII — начала XIV в. в истории Мерва очень тесно связан с периодом, предшествующим монгольскому завоеванию (вторая половина XII — начала XIII в.). Это сказалось и в технике гончарного производства (конструкция печи, основные предметы печного припаса) и в самих керамических комплексах. Впервые удалось так четко проследить сочетание традиций с новыми веяниями. К предшествующему периоду восходит применение ярко-голубой поливы, традиция украшения посуды штампованным и процарапанным орнаментом. Вместе с тем преобладающими становятся кольцевые поддоны, совершенно не характерные для более ранних периодов, по тому же голубому фону впервые появляется роспись марганцево-фиолетового и черного цветов, изготавливается поливная керамика новых своеобразных форм, применяются новые предметы печного припаса.

4. Впервые получены доказательства местного производства элементов архитектурного декора и надгробных плит. В комплексе с подъемным материалом, а также с вскрытым ранее зданием буддийской кумирни это говорит о существовании в Мерве богато украшенных монументальных зданий, выполненных в новых традициях архитектуры второй половины XIII — начала XIV в.

5. Вместе с тем несомненно, что значительная часть города продолжала лежать в развалинах. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие культурного слоя указанного времени в ряде раскопов и шурфов, заложенных в разных частях городища, расположение отвалов бракованной керамики, золы, прочих отходов не только на территории самого города, но иногда и в его центре.